

УДК 1(091): 111.85

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.014

О природе творчества

**В.В. Ильин, О.П. Сапегина, Т.В. Шафигуллина, Т.Е. Чернышева,
Я.В. Яловенко**

ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им.
Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет), г. Москва

Традиционная трактовка творческого процесса комбинирует гносеологически невнятные когнитивные «инсайты», «озарения», «интуиция», «наитие» и т. п. В качестве позитивного противопоставления «истёртым» взглядам развёртывается модель продуктивных расширяющих синтезов (ПРС), активирующих механизм уподобления, виртуализации, умственного экспериментирования, а с ним – автоморфичных эвристических преобразовательных реакций, позволяющих людически несконным способом извлекать «из понятий» продукты живой мысли.

Ключевые слова: *творчество, воображение, символический морфизм, канонические имитационные преобразования.*

С удаленных семантических рубежей смысл творчества составляет нетривиальное продуктивное движение от аномальности нормального к нормальности аномального. Существо хиазма высвечивается образом треугольной фигуры, вершины которой маркеруются сгущением *definiens*.

Первая вершина – тезаурус: традиционное, устоявшееся, принятое, надлежаще удостоверенное правилами рационального действования (проверка, обоснование, доказательство, испытание) в фиксированных жизнеопределённых локалах (концептуальных ареалах).

Гносеологический типаж рационально оправданных когнитивных мероприятий задаётся весьма жёсткой комбинацией субъективно (S) и объективно (O) достаточных оснований полагания истины: $S \wedge O$ [15]. Иными словами: действительное заявление «O» не оставляет простора возможному заявлению «S», – рационально действующий субъект – в стандарте (!) – обязан принимать (разделять, поддерживать, почитать) встроенную в надлежащую демонстрацию истину.

С более объёмного социально-исторического угла зрения речь – о множестве директив к различным видам деятельности, преднастраивающим их (в конкретных месторазвитиях – фациях) [17] на выпуск «здравомысленной», профессионально «состоятельной», когнитивно «вразумительной» – общезначимой – продукции. Таков статический разрез темы.

Динамический её разрез намечает существенно иную картину. Суть в том, что с какого-то момента «O»-основание (совокупный тезаурус) вызывает дефектность: проявляет неэффективность в ассимиляции фактов, утрачивает информативность, эвристичность, – паушально не отвечает запросам ищущего духа.

Образуется пропасть между «миром» и «системой мира», – нарастает массив неписываемых в «традицию» досадных явлений, именуемых

аномалиями, иррегулярностями, востребующих неких инновационных укрощений со стороны выбивающегося из «О»-контура креативного «S»-подвижника. Так оформляется коллизия «рационально-стандартной» – «нерационально-нестандартной» мыследеятельности, артикулируемая неосваиваемым классической гносеологией типажом « $\bar{S} \wedge O$ », покрывающим сферу продуктивного творчества.

Вторая вершина – новаторство: креативный почин, продуктивный порыв, когнитивный взрыв, оригинальная самоосновная инициатива, обеспечивающая созидание неподражательных ценностей, безаналоговых артефактов.

Маркеровка данной вершины, усугубляя столкновение «S» и «O» оснований удостоверения истины, нацеливает на рефлекссию инновационного преодоления отживших пластов наследия, обновление тезауруса, исключение из идейного фонда тривиальности, фальши, утративших дееспособность обесцениваемых опытом ретроградных, реакционных, полинялых моментов.

Всё гладко, ровно – в плохих пьесах, не имеющих касательства ни к мысли, ни к жизни, в противовес *fabulae fictae* взыскующих программных обновлений противопоставлением заскорузлой рутине инвестиционного потенциала, оправданной деловой преобразовательной активности.

Заросли милы не всем, – напоминает Вергилий, отрицательную идею которого в отношении непролазных чащоб мы бы дополнили соображением неприятия стоячих болот, пустошей в загложших полях, заброшенных садах и проч. Действительно. Топкие места с непроточной водой, слабеющие, затихающие от невозделанности уголья, дичающие, зарастающие сорняком участки земли, натурально, и познавательно, и существовательно, не выступая *vis attractiva*, в фигурах того же художника, – славу не множат.

Ввиду некомпенсируемого одряхления, истощения принятых картин мира, сценографий реальности в состоянии, приближающемся к совершенной одеревенелости, востребуется некая оплодотворяющая интерцессия, сообщающая медленному, ограниченному уму спасительное просветление.

Перспективно – имена производны от вещей, а не наоборот; образы мира не самодовлеющи, – не подменяют мира; ситуативно – реализм обязан заявлять себя даже «независимо от взглядов» (Энгельс). На данном резоне, апеллируя к легенде об Архимеде, когда-то должны «портиться» – ревизоваться и кажущиеся несомненными созданные корифеями системы.

Идти дальше подчас натужно, тяжело, страшно. Но необходимо! Превозмогает дремоту, апатичный полусон, невольное закрывание глаз – умственная инноватика, являющаяся подлинной панацеей от умерщвления исследовательского начала, ликвидации разведочного присутствия.

Третья вершина – упорядочение: инкорпорация новаций в тезаурус, расширение мировидения раздвижением субстантивных рамок, наращиванием эпистемических потенций, пересмотром трюизмов, уничтожением зла банальностей, несообразий внесением окрыляющих изменений в трактовку предметных областей (онтологические допущения, гипотезы существования, постулаты значения).

Сверхзадача третьей вершины – выкупание накопленных первой вершиной недостатков (провалов, изъянов) легализацией «фантастических», «уродливых» понятий второй вершины живым разменом мыслей; согласование новаций с традициями лишением их сомнительного статуса беспочвенных «миражей»,

«иллюзий» по типу *fata Morgana*; конституирование самоценности – в том числе принципами соответствия, перманентности – исторически обособляемых интервалов прогрессирующего поиска со своим драматургическим реквизитом – аутентичной отобразительно-выразительной техникой освоения сущего.

Сказанное недвусмысленно означает: монолитный мегатекст совокупной науки дифференцируется на фиксированные отрезки – самобытные макротекстовые образования – фации, интегрируемые в совокупное интеллектуальное богатство интертекстуальными процедурами. Инструментами их наладки, отладки, настройки, запуска выступает рекрутирующая функция рассматриваемого сегмента принципиально некумулятивного познания, связывающая новации с традициями разукрупнением контента первой вершины опытом нового, иного второй вершины.

Компетентностное призвание третьей вершины – оксюморонная роль придания непрерывной (континуальной) формы прерывному (дискретному) содержанию одетой в доспехи высокого, благородного искания истины реалистически мотивированной мыследеятельности.

Семантические отношения вершин характеризуемой фигуры, фундаментально обслуживая сведение баланса «сохранение – изменение», функционально вводят гештальты рациональности когнитивного опыта, как и другие типы духовного и практически-духовного освоения действительности работающего в режиме «культурного взрыва».

Рациональность как гештальт. Что полагать рациональным? Философская классика вводила логоцентристскую стандартизацию рациональности в опоре на каноны то формальной (Аристотель), то диалектической (Гегель) логики, в качестве идейного репера утрируя роль «противоречия». В формулировке капитальных А-тезиса: «Невозможно, чтобы одно и то же в то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [3, с. 125]; Г-тезиса: нет «абсолютно ничего, в чём мы не могли бы и не были вынуждены обнаружить противоречия» [6, с. 227].

Вещь, однако, заключается в том, что логические основоположения, будучи неуниверсальными принципами осмысленных рассуждений, самоосновно не конституируют рациональности ни миропонимания, ни мироотношения. Наше внимание привлекают по большей части две стороны вопроса.

(а) Начать с того, что статус логических правил как гранита *ratio* трансформируется в разных профессиональных конструкциях:

- закон противоречия – в параконсистентной, релевантной логике;
- закон тождества – в логике нечётких множеств;
- законы исключённого третьего, двойного отрицания – в интуиционистской логике;
- законы преобразования условных суждений (инверсия, конверсия, контрапозиция), допускающие эквиваленцию $\bar{A} \quad \bar{B}; A \rightarrow B \sim B \rightarrow A;$
 $\bar{B}$ – в предметных (содержательных) построениях уточняются с целью недопущения парадокса подтверждения;
- отношение материальной импликации – в системах строгой импликации, пытающихся отображать содержательную связь antecedента с консеквентом (Льюис, Аккерман) с каким-то восстановлением прав закона достаточного основания. Etc.

Положения диалектики, утрачивая рациональную всеобщность применительно к глобальному ядерному миру, эвристически ограничиваются более объёмными, стереоскопичными регулятивами аналектики, каталектики [16; 21].

Откуда следует невсеядность логики ни как формального (Аристотель), ни как содержательного (Гегель) инструментария, паушально фундируемого двойным принципом: разумное действительно, действительно разумно [7, с. 15].

Как изящно и в некотором роде терминально подчёркивал Волошин:

Когда-то тёмный и косматый зверь,

Сойдя с ума (! – *авт.*), очнулся человеком, –

Опаснейшим (! – *авт.*) и злейшим (! – *авт.*) из зверей, –

Безумным логикой (! – *авт.*)

И одержимым верой...

«Безумство» – от логики?! Выглядит сильно, но точно; равно как «одержимость» верой в непогрешимость, всемогущество логизма (панлогизма) – некоего «остова» разумности, рациональности – исполнена прободными, порочными коннотациями «бесноватости», – в корне ошибочна. Главным образом по части наихудшей агитации к творчеству, обуреваемому поддержанием не априорных (догматических) конвенансов, но, как настаивал Хайдеггер, «жажды подлинности».

Подлинности художественного опыта – эстемы, о чём – Гончаров: художественность увлечена «способностью рисовать», – креативно преодолевать известное обновляющими показаниями жизни; по Чехову – демонстрацией безусловной, честной (не логизированной) существовательной правды.

Подлинности научного опыта – ноэмы, о чём – выверенная эпистемологическая критериология, дополняющая логические индикаторы научности эмпирическими и экстралогическими рефлексивными параметрами [13].

Обобщённо о сказанном – Замятин: когда пламенно-кипящая масса идей остывает, «огненная магма покрывается догмой – твёрдой, окостенелой неподвижной корой... пока новая ересь (! – *авт.*) не взорвёт кору догмы... Взрывы малоудобная вещь. И потому взрывателя (! – *авт.*) ... истребляют огнём, топором, словом. Справедливо рубят голову еретичной, посягающей на догмы, литературе: эта литература вредна. Но вредная литература полезнее полезной (! – *авт.*); потому что она – антиэнтропийна, она – средство... борьбы с... склерозом, корой, мхом, покоем» [11, с. 94].

(b) Понимание, отмечалось ранее [14], – в полной мере не логизируемая рационально-сверхрациональная процедура в том числе со своими треволнениями чувственности, кодексом сердечных, вызывающих глубокий восторг заинтересованных дел. В той же любви, замечает Гончаров, не бывает ни одной мелочи: «В уме любящего человека плетётся многосложная ткань из наблюдений, тонких соображений, воспоминаний, догадок обо всём, что окружает любимого человека, что творится в его сфере, что имеет на него влияние. В любви довольно одного слова, намёка... взгляда, едва приметного движения губ, чтобы составить догадку, потом перейти от неё к соображению, от соображения к решительному заключению и потом мучиться или блаженствовать от собственной мысли. Логика влюблённых (весьма своеобразная. – *авт.*), иногда фальшивая, иногда изумительно верная, быстро возводит здания догадок, подозрений, но сила любви ещё быстрее разрушает его до основания: часто довольно для этого одной улыбки,

слезы, много, много двух, трёх слов – и прощай подозрения. Этого рода контроля ни усыпить, ни обмануть невозможно ничем. Влюблённый то вдруг заберёт в голову то, чего другому бы и во сне не приснилось, то не видит того, что делается у него под носом, то проницателен до ясновидения, то недальновиден до слепоты» [8, с. 219].

Вероятно, мучительно, больно, но напрашивается морализирующее отрезвляющее.

1. Не удаётся задать исчерпывающих маркёров рациональности в её всеохватном историческом, поведенческом, когнитивном единстве. Если брать пограничные предельные пласты философской рефлексии, исходно нормированный (регуляризованный) духовно-душевный труд испытывает головоломные сложности в неизбежных провалах телесного, психологического, социокультурного опыта, навевающих, по Карнапу, «методологический солипсизм» [25] в разрядах

– онтологии: экспликация становления космоса из хаоса в дефинициальной реконструкции сущего через посредство логоса, нуса – некоего разумного принципа мироосуществления (по Лейбницу, проблема происхождения мира, жизни рационально не разрешима [9, с. 456]);

– гносеологии: экспликация порождения содержательно нетривиального, продуктивно нового: вопреки эфемерным, всемерно дискредитировавшим себя рационалистическим (дедуктивизм), эмпирическим (индуктивизм) подходам теория познания не располагает работоспособной схемой генерации инноваций: дело стопорится непрояснённой схемой капитальных моментов: а) эвристически косное, консервируя (объявляемое «рациональным») известное, каким-то загадочным образом стимулирует кристаллизацию неизвестного; б) нетрадиционный, не вполне проработанный способ абдуктивного выведения знаний из «чистых» понятий, как таковой, встречается в штывы как когнитивно ущербный, мостящий путь в логомахию;

– антропологии: экспликация нашего ближайшего (Umwelt), жизненного (Lebenswelt) мира: в ситуации едва не буриданова осла приходится делать непростой выбор: человеческая жизнь – является ли высшим воплощением каких-то значимых смыслов, значений, ценностей сверхперсонального бытия, – или (в отсутствии «идеальных», по Гуссерлю, проникающих конституций) неотвлечённым утверждением «частных существ» в границах персонального бытия (как в расхожем экзистенциальном казусе: приходит женщина, подбирает нужные слова и... разбивает нам сердце...).

2. Великой остроты коллизия – выход из ареала «твёрдо» установленного, общеобязательного. Если присмотреться внимательно к самому исчезающе малому пункту выхода из актуального в потенциальное, состояние разрыва настоящего с прошлым – и внутренним, и внешним наблюдателем квалифицируется как отступление, отщепенство, ересь, святотатство.

С позиций охранения наличного производится искажение духа; с позиций преодоления наличного – очищение духа. Общее здесь – заинтересованная реакция на контрарное поддержание «рациональности» обеспечением

– контролируемого нормативного порядка, согласия, препятствующего уклонению «от старины» (первый случай);

– устранения когнитивных диссонансов, отречения от рутины сходом с «канонических рельс... широкого большака» [11, с. 99] во имя «новизны» (второй случай).

Налицо апория практического заявления «рациональности» нажимом на

– репрессирующую консервацию: подрыв устоев – резервуар дикости, неразумия, своеволия, произвола;

– санирующую инновацию: защита устоев – источник девиантного мракобесия.

И там, и здесь – подчёркивание пустоты, ничтожности перерождения человека «разумного» в «неразумного» (идущая от Плавта модификация *homo insipiens*).

Как видно, рациональность предстаёт непрозрачной «темой» с глубокой подоплекой – альтернативными исполнениями в фигурах «сохранение – изменение». Что лучше: с головой – в омут или по макушку – в тину?

За ненужное и грош отдать дорого; познание создает теории познания сложности, решаемые полифонической трактовкой «рациональности», конституируемой *ad extra* – в границах собственно не познавательного, но культурного опыта, исключающего игру без правил, но поощряющего игру по изменяемым правилам.

Культура как взрыв. Нерв человечности – обмен деятельностью; нерв культурной человечности – гарантийный обмен деятельностью. Гарантийность суть отлаженный, нормированный, предсказуемый, надёжный порядок межиндивидуальной коммуникации и интеракции, крепящийся на допущении исходной регуляризуемости решаемых значимых духовных и практически-духовных задач. Короче: культура как гарантийность, гарантийность как регуляризуемость выдворяет из жизнедеятельности так называемые некорректные постановки, максимизируя тем самым запрет Адамара, согласно которому подлежащие освоению задачи не могут быть некорректными – допускающими сколь угодно большие изменения решений при сколь угодно малых изменениях исходных данных.

В случае столкновения с в полном смысле слова с не имеющими канонических решений (по методу Тихонова), нерешаемых (континуум-гипотеза), неразрешимых (квадратура круга) и типологичных им задач – при обнаружении неких некомпенсируемых промахов со стороны ума, понимании его неспособности прояснять ускользающие грани действительности (концептуализация актуальной бесконечности в большом и малом) – культура включает рычаг творческого взрыва.

Последний представляет интимный инструмент функционирования второй (искусственной) природы, нацеленный на турбулентное нагнетание перекрывающих тезаурус инновационных идей.

Прекрасную феноменологическую канву развёртывания достаточно герметичного творческого процесса дают – применительно к

– поэтическому опыту – Цветаева:

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных

Притч рытвинами... между *да* и *нет*

Он, даже разлетевшись с колокольни,

Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья (! – *авт.*)

Причинности – вот связь его! Кверху лбом –

Отчаясь! Поэтовы затмения

Не предугаданы календарём (! – *авт.*).

...

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не возвращая – взрыв (! – *авт.*) и взлом (! – *авт.*), –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарём!

...

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы Бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

– музыкальному опыту (оценивая новации Скрябина) – В. Иванов: «Его гармония выводит за грани (! – *авт.*) человеческого обеспеченного (! – *авт.*), исследованного и благоустроенного (! – *авт.*) круга... Это отщепенство (! – *авт.*) от канона, основанного на идее единства нормативной (! – *авт.*) деятельности человеческого духа... есть музыкальный трансгуманизм, долженствующий всякому правоверному (! – *авт.*) гуманисту показаться даже не хаосом... а «безумия криком ужасным, потрясающим душу», пэаном неистовства (! – *авт.*) и разрушения (! – *авт.*) [12, с. 109];

– житейскому опыту – Гончаров: «...человек счастлив заблуждениями, мечтами... надеждами» [8, с. 264]; «...вижу, как необходима... борьба и волнения для жизни, как жизнь без них была бы не жизнь, а застой, сон... кончается борьба, смотришь – кончается и жизнь...» [8, с. 297];

– научному опыту – Бом: «...наука есть преимущественно активно расширяющееся восприятие нового (! – *авт.*) содержания и новых (! – *авт.*) форм, и только затем представляет средство получения того, что может быть названо надёжным знанием...» [24, с. 374].

Вполне очевидно: вся рефлексивная идеология культуротворческого процесса свита из соображений «восстание», «борьба», «ересь», «преодоление», «отмена», подчёркивающих не контркультурный демарш против всех и всяких правил [27], всеразрушение рациональности [26], но исключительно идиосинкразию к застою в мыследеятельности.

На истоптанном поле расхожести, в затхлой среде истощенности трудно поладить с фортуной: «Ни одной мечты, ни одной розовой надежды», – с проникающим прозрением: туман рассеивается, и – что же? – расстиляется, как степь, вялая действительность; – «Боже!.. какой скучный безотрадный вид!.. всё химера – а живи» [8, с. 233]. Живи? как именно?

Противостояние рутине в мысли обретает плоть борьбы с пустопорожней схоластикой – рогатками, патрулями в исканиях, замкнутых на догматическую модальность *de dicto*, нечувствительную к освоению вещественности, предметных связей (релевантных модальности *de re*).

Противостояние пустоте, мелководью полусонной жизни за проблески новой зари – чего-то «трезвого, делового, нужного» воплощается в подвиге самоотречения. Налегавшее на душу отчаяние как-то развеивается трепетом удовольствия свободного самоутверждения выходом из «наряда» – разрывом с деморализующей ничтожностью заорганизованного, скованного существования «в футляре»

– сословности: чеховская «Моя жизнь»;

– функциональности: чеховская «Палата № 6».

Когда дворянин сознательно становится пролетарием, тогда (по материальной импликации) врач оказывается пациентом, – как в камере-обскура

меняются местами человеческие роли, получает искажённое выражение экзистенциальная сущность лица: жить не по принятому означает обретать ненормальность, впадать в абсурд, становиться «дураком». В семантике «глупость» и «нетипичность».

Дурак – человек со странностями; феноменологически – бестолковый, субстанциально – оригинальный.

Общую трактовку предпосылок производства нетипичного – деривата персонально самобытного – в точке расхождения обычного с необычным в генерации представлений предлагал Блум [23], интерпретировавший «разрыв, разлом, отрыв, обрыв, отход, взрыв» как преодоление гладкописи традиции в терминах преобразования привычного, чему способствуют

- клинамен: уклонение;
- тессера: дополнение;
- кеносис: умаление;
- аскесис: самоограничение;
- апофрадес: возвращение.

Располагаемые в правой части экспликации субстантивы паушально заявляют семантику «перекрытие», выражая идею «ревизии», но не «разрыва» с известным – в особенности по части неисполненных твёрдости, непреклонности аскесиса, апофрадеса. Речь по своей сути скорее корреспондирует «перелицовке», чем «преодолению».

Выпуск нового, естественно, ассистируется технологической перестройкой имеющегося, но требует большего. Креативное получение неизвестного взыскует амбивалентного выбивания из нормы – выхода в аномию, иррегулярность; подлинная самостоятельность, неподражительность, взращиваемая аутентичностью, характеризуется более сильным и правильным языком плодотворной селекции: не переработки, но пересмотра – сотворения.

Отличие обозначенных подходов к тематизации проблемного узла «старое – новое; известное – неизвестное», как высказывал Генрих Гентский, – в целях, процессах, методах. В фокусе нашего внимания – не переделка, а выделка; не переборка, а преобразование. Сверхцель поисковых усилий, следовательно, – новые зёрна – новые всходы; тайна культуротворчества – *grata novitas* – по этой причине снимается раскрытием тайны турбулентных духовных движений, используя слог Ходасевича, – протекающих «путём зерна».

Орудия взрыва. Говоря прямо, с тематизацией энтелехии творчества в гносеологических штудиях расширения знания дела обстоят как нельзя скверно. Дальше апелляции к экстазу, таланту, инсайту, озарению, наитию, интуиции, вмешательству божественного начала в трактовке действенных пусковых механизмов продуктивной духовности, креативной измыслительности специалисты и иже с ними не шли [18]. Характерное подытожение осмысления предмета на уровне здравого смысла давал Гончаров, заверяя: художник «заклеймён особенною печатью», равно как учёный – «высшей силой» [8, с. 62, 63]. За эвфемизмами «особенная печать», «высшая сила», – прибегая к слогу Лукреция, – темнота выражений тёмных учений.

Верно, творчество – не рядовая способность; между тем констатация данного вполне ясного обстоятельства не может служить базой какой-то приемлемой экспликации.

Крайне правдоподобно, что мыслительная инноватика питается аффективным состоянием духовного неистовства, побуждающим к переходу от

прежнего к грядущему положению дел, однако никак не проясняющим существа переходного действия. Используя формально более строгие латинские кальки: есть *status quo ante* – требующее преодоления наличное (архаичное) состояние; есть *status quo nunc* – получаемое преодолением последующее (инновационное) состояние. Нерв вопроса – нетрадиционный, нетипичный («паранормальный») продуктивный скачок (фазовый переход первого рода) от предыдущего к последующему – от известного к неизвестному (от известного к логически невыводимому из него неизвестному), востребующий уточнения в понятиях состояния зарождения (*in statu nascendi*) и упрочения (*in statu praesenti*).

Ничем подобным, к изумлению, традиционная гносеология не озабочивается, подвергая безнадежной безмерной инфляции собственные квазиобъяснительные конструкции.

Сказанное не может не обслуживать более трезвую направляющую диспозицию, где *lumen coeli* заменён *lux in tenebris*; творческий дар, утрачивая таинственный флёр «божеской искры небесного огня», предстаёт подлежащей постижению креативно движущей силой (КДС).

Заявляя рабочий тезис, без всяких обиняков выскажем: источник КДС как параметра, поддерживающего творческое напряжение, – не делающий изнанку лицевой стороной – продуктивный расширяющий синтез (ПРС).

Не окрашивающий поток ярких воображительных приёмов в свинцовый цвет избитых действий духоподъёмный инструментарий ПРС – ассоциативность, тропность, уподобление, выстраивание оксюморонов, символизация, идеализация, гиперболизация, виртуализация, абсурдизация, гротеск, имитация – обслуживает умственное экспериментирование, актуализирующее вдохновительное перемещение из «скудного» наличного (действительного – выделенного) мира W_0 в «изобильный» потенциальный мир возможного W .

Пафос трансформационного заместительного движения $W_0 \rightarrow W$ – развязывание энергии самоосновных когнитивных преобразований (отображений) – автоморфичных реакций, позволяющих людическим вольным способом извлекать «из понятий» продукты живой мысли. Кунштюк высказанного – грациозная ловкость людических упражнений, расцветивающих «выдумками» известные факты. Перефразируя Хлебникова, допустимо принять: наш ищущий воображающий ум функционирует в режиме извлечения корня из «Нет – единицы» [22, с. 177]. В ёмкой формуле – искомое «всё»: фантазмагорическое *qui pro quo*; отождествление по удалённому примыканию; нарочитая контаминация; субстантивный перифраз; образная сцепка; погружение в небывальщину; *analogia entis*. Здесь именно тот случай, когда, по Менандру, приятно и побезумствовать.

Достойно внимания, следовательно, артикулированное ранее соображение «расправление крыльев шире гнезда» (Гораций), – укрепляемое и сказанным оправданное сближение «инновационного» и «сумасбродного» в творческом самоутверждении, которое, идя вразрез с общепринятым, бросая публичный вызов, выражаясь языком Вергилия, как тот тонкий пламень всё-таки снедает и самый прочный рациональный остов.

Выход на широкий фарватер не обременённых предубеждениями взглядов открывает путь мечты, воображения, распахивающий двери счастливой надежды.

Действительность, где бывает трудно дышать, больно жить, не счастливит; счастливит возможность: поначалу кажущееся фантастическим и

даже уродливым, но неотступно снимающее сковывающие ограничения вещественности трансцендентальное экспериментирование, покидающее пределы естественного W_0 для плетения имитационной ткани в искусственно – алетически, деонтически – допускаемом W .

Шиболет W – фантазмагория, «сдвигологическое» – причудливое (едва не бредово-грёзовое), граничащее с видением умозрительное видение.

Во избежание недоразумений здесь следует разобраться, расставляя нужные акценты, ставя необходимые точки над «и».

Рабочая машина W – символические морфизмы – автоморфические, гомоморфические, гомеоморфические, изоморфические трансформации – обеспечивающие умственное саморазвитие когитальные преобразования (18). Нерв последних – сопоставление одних объектов (S) с другими объектами (S') с присущим ему свойством нестрогости:

- отображение элементов одного множества на элементы другого множества не задано никакими наперёд обозначенными операциями, функциями; единственное правило «внеправильных» уподоблений $S - S'$ – правило свободной креативной игры, открытого к возможностям людизма;

- установление соответствия $S - S'$ производится по нежёстким (негомтетическим) канонам, подрывающим принцип «быть связанным прямым, непрерывным, очевидным путём»;

- уподобление $S - S'$: а) инъективно – различные элементы S имеют различные образы в S' ; б) многозначно – одни и те же элементы S имеют разнородное (функциональное, интерпретативное) представительство в S' ; в) частично упорядочено – содержит несравнимые между собой элементы.

В такой трактовке творческого порыва, разменивающего робкую застенчивость перед нестандартным подходом на вызывающе смелое, отважное интеллектуальное дерзание, бьётся нетерпением амбивалентное выбивание из заведённого шаблона, механической привычки *ni chaud, ni froid* на волю искания. Акцентируем семантическую сцепку «стремление к новизне» с «амбивалентностью», вытекающую из аномичного, аномального движения наперекор утверждённому, принятому. Любой первопроходец – пионер – лидер – творец – вопрекист, идёт против хода устоявшейся (интеллектуальной, социальной) жизни. Тем самым проявляет рождающую страх и надежду иррегулярность.

Иррегулярность – рисковое судьбическое состояние на рубежах

- «нормальность – ненормальность» – с испугом, боязнью, ужасом впадения в патологию;

- «оригинальность – странность» – с упованием, ожиданием, уверенностью развёртывания неонтологии.

Применительно к творчеству в любом случае уместна фиксация (в мягком изъяснении) чудаческого отступления от нормативной шкалы с обратными реакциями: противодействие – содействие.

Общественные перипетии знания обсуждаются социологией знания, сосредоточивающейся на изучении внутренней и внешней среды функционирования производства идей [17]; когнитивные перипетии знания обсуждаются археологией знания, сосредоточивающейся на изучении интимных механизмов зарождения нетрафаретного идейного производства.

Предмет предстоящего изложения – центральная для археологии знания точка фуркации (бифуркации), – описывающая ситуацию разделения цельного состояния (массива) символических представлений (образного состояния) на автономные самодостаточные образования (ветви).

В качестве «полевого» материала непринуждённого ветвления сценографий реальности привлечём авторски оправдываемые «искажения» мира и духа, обнаруживаемые у Кручёных, Грина, Форш, Романова, Булгакова и др., в ходе людических преобразований взламывающих, разбрасывающих, разметающих все и любые реалии, дабы окунуться в жизнеповреждённый (по утрированию ситуации в W_0) лабиринт ужасов, сумасшествия, дьявольщины.

С одной стороны, – по мнимой явности – апология дисгармонии, хаоса; с другой стороны, – по непритворной неявности – апология гармонии, космоса. Где демаркация между бессознательной одержимостью бредовой идеей и сознательной демонстрацией её состоятельности в имитационном опробовании? Идущие к симфонии через монументальное развенчание какофонии художники, – маньяки или «инженеры человеческих душ», искатели-реалисты?

Интеллектуальное, образно-назидательное обследование мыслителями воображаемых, имитационных, симуляционных миров (W) не может не быть алогично-паралогичным, своей откровенной аномальностью сподвигающим на расширение (совершенствование) становящихся узкими рамок стандартного освоения стандартного мира (W_0). Следовательно, выход – в перманентной ревизии шаблонов рациональности активизацией в продуктивной деятельности автоморфичных каталитических преобразований.

С целью оптимизации рассуждений уточним существо центрального для нас понятия «преобразование».

В широком значении слова преобразование суть синтактико-семантический перевод одного выражения (функции) в другое. Примерами подобных действий (трансформаций, трансляций) выступают преобразования Лапласа (перевод функции действительного переменного в функцию комплексного переменного), Фурье (интегральное преобразование данной функции по известной формуле). В более тесном значении преобразование сводится к отображению некоторого явления (множества) в себя или иное явление по вводимому правилу их (явлений) сопоставления (соответствования).

В точных контекстах добиваются однозначности (изоморфизма) соответствования элементов $(x_1, x_2 \dots x_n)$ S – $(x'_1, x'_2 \dots x'_n)$ S' , задавая дополнительные представления областей определения, полноты преобразов, сужений, ограничений, расширений, распространений, продолжений, инъекций, сюръекций, биекций, обратных, обратимых отображений и т. д.

В менее точных, представляющих наш случай, контекстах говорят о многозначных отображениях (функциональных соответствиях), сближающихся с тождеством функций, фактически порождающих креативную изобразительно-выразительную полифонию. Типичные виды последней (генерализируя искусствоведческие соображения о гармонии, тональности, композиционном строе)

– имитация: воспроизводительная транслитерация, видоизменённый повтор известных тем (мелодий, фабул);

– контраст: доводящее до контрастности нарочитое противопоставление;

- контрапунктирование: скрепление, смешение тематических, мелодических партий, семантических каркасов;
- идейный мотет, ричеркар: обрамление содержательных магистралей дополняющими соприсутствиями, коллатеральными, предуготовливающими переход в полисемантический идентитет;
- пульсация: регулярность колебаний сюжетных, исполнительских линий («носологическая» проблематика в литературоведении; мода на постановочные решения фиксированного драматургического материала, описываемая математической модой);
- импровизация: исполнительский экспромт;
- мысленный эксперимент: модельно-аналоговое приближённое воссоздание природы объектов с помощью образной символики;
- диверсификация: наращивание событийного разно- и многообразия.

Генерализируя, выведем: с позиций производства идей (сценографии, представления, образы) новые модели мира кристаллизуются в

- креативном сдвиге лейтмотивных смыслов, значений неких ядерных многообразий – локальных выпуклых пространств с ядерными – осуществляющими специфические аппроксимации с конечномерными образами-операторами;
- каталитическом метаморфозе, имеющем онтологическое – пролиферация, пролификация предметности и эпистемическое – пролиферация, пролификация образности представительство.

За счёт и посредством указанного – деликатных умственных превращений, ментальных отводок мостится неторный путь в незнаемое, осуществляется автоморфичный образный рост «из понятий»; трансцендентальное отвоёвывает новые и новые рубежи у трансцендентного.

Очевидной проекцией изложенного на релевантную материю изыскательства будут достаточно известные преобразовательные автоморфичные синтактико-семантические операции, толкуемые как порождающая структура инновационных процессов.

1. Слово-, речетворство: фонетическое, фонологическое, морфологическое письмо, смысловая звукопись, интервенции в заумь, запредельность, грамматический метаболизм, алхимия («магия» – Цветаева) изъяснения, неологическое (обеспечивающее семантический дрейф) шифрование реальности.

Слово – демиургический ресурс не только в теологической, но и в гносеологической креатологии, подобно своей анцестральной форме поднимающей на щит «словотворение – миротворение». Внутренняя форма слова – образное значение пропускается через призму внешней своей формы – артикулированное звучание. Так развёртывается на поверхности – словесная эквилибристика «мир через слово», в подспудье же – тонкая утопия выразительно-исполнительной языковой (Хлебников); музыкальной (Скрябин); живописной (Кандинский) и т. д. безграничной беспредельности. (Крепкая аналогия с безгранично-беспредельной основой сущего, – анаксимандровским апейроном: инфинитезимальная безбрежность звучащего слова, звука, штриха – мирозидательная стихия. Крепка и аналогия с техникой созидания онтологии в створе мерцающих смыслов словесной комбинаторики Гегеля, Хайдеггера. Отсюда же – и социальная, и экзистенциальная утопия «братство народов – братство языков»: «язык языков разорвёт языки» [4, с. 95], ориентирующая на

второе (не онтологическое – политическое) пришествие революционного Слова переходом на чудодейственный волапук).

2. Сюрреалистическая гиперболизация грёз вплоть до выведения законов действительности из сумрачных свидетельств сна (Арто) [1, с. 131]. Недвусмысленные коннотации поставляет гностическое, медитативное погружение в дополненную реальность (по-нашему, – ход из W_0 в W , осуществляющий восхождение из «дольнего» в «горный» мир [2, с. 321], сопутствуемое частично прекращённой деятельностью сознания с перемещением из «видимого» в «невидимое». Как настаивала Цветаева, для творца (поэта) «самый страшный, самый злобный...враг – видимое» [21, с. 40], исключаящее служение «незримому» идеалу.

3. Символическая мистерия: по аксиоме свободного выбора – дионисийское, орфическое «распятие» мира на образно компактные сплавы несовместимостей, выход из жизни в её тень, обследование сюрра, абсурда, нонсенса [14], погружение в небывальщину, самоосновные ничем не скованные духовные экзерциции, героизация мезальянсов с надуманными персонажами – трикстерами, исполняющими «козлиные песни» (Вагинов), пишущих «голубые книги» с ненаходимыми в них «ключами счастья» (Зощенко).

Технически переходу «своего» в «иное» произведение содействуют специально отработываемые приёмы:

- в плоскости «организация» – композиция строфики – сегментация строк, выразительные лесенки, столбцы, разновеликость строф, анжабеман, семантизация фонем, орнаментация ритма;

- в плоскости «аффектация» – аллитерация, ассонанс, консонанс, варьирование ритмики, метрики, ладности, звукообразы, паронимическая аттракция, «вихревая» (Блок), «метельная» (Белый, Пильняк) интонация;

- в плоскости «инструментализация» – мистическая семантика с факультативной идентикой – поиски собственной «значащей» выразимости футуристов, заумников, имажинистов, ничевоков, фуистов, эмоционалистов, конструктивистов, кубистов, центрифугистов, евфонистов, экспрессионистов.

4. Когнитивный диссонанс: эксплуатация герметичной герменевтики – активное использование от «змия ехидного» оксюморонных схем, тропного моделирования, инореальных шаржевых, гротескных, ироничных исполнений, центрирующих не логику (!), но поисковый суверенитет. С позиций *quaestio juris* – правовая вседозволенность, аномичный аномальный вызов – «пощёчина общественному вкусу»; с позиций *quaestio facti* – оригинальное преобразование, обновленческое движение по счастливой участливой ассоциации, коннотации, аллюзии, многогранному полифоничному образному полифункционализму.

5. Скифское блуждание: задействование ресурсов «внемирности» (W) вследствие неудовлетворённости обстояниями «мирности» (W_0). Креативная неудовлетворённость наличностью – залог творчества [11, с. 49], активирующего «вечное» искание (в его «иномирной» огласовке сближающееся с любой дьяволиадой), в условиях свободы – умственного раскрепощения – сподвигающего на экстатическое переполненное неясностью, многоликостью, неотчётливостью иносказание. Субъект творчества – импульсивный выходящий из реальности «нервный», выламывающийся человек, отрясающий с собственных и иных век досадные и досаждающие изъяны «вывихнутых» трудов, дней, веков.

6. Утрированное остранение, карнавальная провокация инспирируют превосходящую границу действительности «запредельную» тематизацию в духе «мистического реализма». Перекрытие W_0 потенциалом W феноменологически есть снятие бедноты освоенной (знаемой) предметности; субстанциально оно есть развёртывание гротескного объективизма. Бурлескное, феерическое нанизывание маски на маску, тени на тень, «глупости» на «глупость» сущностно обслуживает углубление «картины мира» [10]; – искусственные логически допустимые трансцендентальные постановки способствуют преодолению, превозможению кричащей несовершенности «естественного» понимания. Казалось бы, отрешённые, но правдоподобно-показательные

- истории Гоголя, Щедрина, Горького, Платонова;
- антиутопии Булгакова, Замятина, Тынянова, Каверина;
- феерии Сологуба, Белого;
- скетчи, пародии Эренбурга, Ильфа – Петрова;
- повествовательные измышления Кржижановского, Вагинова,
- не несурзкая деструкция стандартов, а нащупывание гуманитарных скреп, социальных универсалий [19], оптимальных путей персонального и общественного роста, благородного (богоугодного) восхождения к родовым высотам, духоподъёмная демонстрация имперфектности в выражении «человеческого в человеке» [20].

7. «Химеричная» символическая типизация: образная перегонка «лиц» в «олицетворения», «воплощения», «характеры», «морфологические сгущения»; непревзойдённый мастер по данной части – Гоголь, субстантивировавший человеческие качества: у него что ни герой, то – «явление».

Дидактико-эвристические уроки автора «Мёртвых душ» воспринимались неоднозначно. Доброжелатели (Погодин) обращали внимание на лингвистические просчёты: «мёртвых душ в русском языке нет, есть души ревизские, приписанные, убылые, прибылые». Недоброжелатели (Булгарин, Греч), анонсировавшие разбор классического романа (поэмы) с математическим доказательством, указывали на то, что ни в одном русском произведении нет столько безвкусыя, грязных картин и свидетельств совершенного незнания ни родного языка, ни родной жизни.

Как бы там ни было, непреходящее завоевание Гоголя – систематическое объединение людей по внутренним чертам, примечательным свойствам; становящиеся символами фантазмагорические родовые формы – Ноздрёв, Манилов, Чичиков, Плюшкин и т. д. – манифестируют имена не собственные, а нарицательные, – гносеологически гипостазируют абстрактные работоспособные обстоятельства – ноздрёвщину, маниловщину, чичиковщину и т. д., – познавательные и экзистенциальные реакции на которые эффективизируют жизнестроительство.

Путём зерна... «Сон разума рождает чудовищ»; сон сознания плодит грёзы; сон экстраполирующего видения-в́идения – ненапускной, небывалой чувствительности – влечёт прозрение.

Проторенный путь – не лучший; за символическое прозревательное хождение по ненаезженному духовному бездорожью ставят памятники. Не мистериям, не священнодействию, не тайнописи, – побеждающей судьбу просветляющей спокойной силе воображения, свершающей, как отмечал Клавдиан, то, что не под силу насилию.

8. Экспрессия: гностики уповали на экстаз; мистики – медитацию; Цветаева – прямое постижение Абсолюта. Во всех эпизодах ставка – на самоинициацию вследствие нагнетения настроенческой податливости – переживательного перевозбуждения. С технической точки зрения (не воспроизводя сказанного ранее)

последнее обслуживается: внутренней рифмой, анафорой, эпифорой и др., через звуковысотные лейтмотивы реализующей музыкальное воздействие на восприятие; ритмической, перекрывающей смыслозначимости недосказанностью; призывающей к додумыванию, продумывания, передумыванию семантической, фабульной незавершённости; магистральным переносом; нерифмованностью завершающей фразы и т. д.

Разомкнутый образ сущего в эмоциональной настройке – то, что нужно для развёртывания интимной космологии, – диверсификации объективаций, имплементаций, инкарнаций, воплощений, перевоплощений, олицетворений, дроблений модусов «Я» по замысловатым материализациям и *vise versa* – «с тобой» и «без тебя»; в блоковском «соловьином саду» как отдохновении, движении «в свет» и корреспондирующем цветаевском «саду» как разодолжении, движении «на тот свет».

Подправляя Воррингера, правильно утверждать: вчувствование через абстракцию, абстракция через вчувствование – мощнейший катализатор ассоциативности, инверсивности автоморфичного производства идей – доподлинное евангелие творческого сверхрационального (!) порыва.

Сугубо ошибаются полагающие возможным, генерализируя приёмы автоморфичных преобразовательных реакций (если брать только экспрессионистическое задание эмоциональной настройки, – ту же технику разятия слов на морфемы, введение «обратных» прозопопей и т. д.), сформулировать некую общую теорию инновационных действий (по типу нашумевшей, но гносеологически пустой рецептуре ТРИЗ – «творческому» решению исследовательских задач). Остановимся лишь на заманчивых проектах

(а) А. Богданова: за счёт вскрытия законов «естества» и «разума» осуществить синтез науки, искусства, техники под эгидой унитарно-универсальной системы – всеобщей организационной науки – тектологии [5]. Оценка платформы упирается в необходимость прояснения трёх моментов:

– первое: допущение онтологических универсалий – подпадающих под систематизацию правил целесообразно устроенной действительности – вполне реально: мир, как таковой, любые его модификации структурно, композиционно представляют средоточия внутреннего порядка – планомерно выстраиваемых естественным отбором цепных связей, – архитектура мира;

– второе: допущение праксиологических универсалий – подпадающих под систематизацию правил оптимального, эффективного, достижительного устройства деятельности – также вполне реально: деятельность, как таковая, любые её фрактуры в идеале представляют механически, энергетически, эргономически выверенные производительные комплексы, работающие в режиме «минимум затрат, издержек, расходов, вложений – максимум результатов, эффектов, приобретений», – архитектура деятельности;

– третье: допущение креативных универсалий – подпадающих под систематизацию правил конкретного сотворения (выпуска) шедевров по продуктивной способности воображения – не реально: отсутствует рационально артикулируемая технология созидания инновационных продуктов в горниле ПРС. В противном случае программы *Mathesis Universalis*, *Ars inventorie rationalis*, *Scientia generalis*, *Calculus ratiocinator*, *Speciosa generalis* – искусство комбинаторики Луллия, Уилкинса, Дальгарно, Валлиса, Декарта, Полициано, Альштеда, Юнга, Гленвиля, Лейбница, отменяя положительные искания, получили бы исчерпывающую (во всех смыслах) и столь же убийственную (в них же) материализацию – археология творчества.

(b) К. Зелинского, И. Сельвинского, А. Чичерина: посредством уяснения законов конструирования продуктов духовности оформить единую доктрину творческого активизма, широкоформатного идейного преобразовательства.

Очевидно содержательное родство (b) и (a), нажимающее на универсальность производительных актов – принципов установки конструкций через проявляющееся во всех регистрах знания и умения культурничество, имеющее даже и алгебраическое (правда, неинтерпретируемое) выражение:

$$K = \frac{2R + \frac{q}{2}\sqrt{tP}}{S}.$$

Каноны компоновки частей (элементов) в целом (системах), разумеется, удовлетворяют количественной, пространственной, структурной симметрии (законы строения, формы, свойств, инвариантные относительно преобразований – переносы, трансляции и т. д.), которая, однако, не высвечивает ментальной генеалогии неизвестного.

Фабрикация последнего общеизвестна, распространяется на интервалы «всегда – везде», но не имеет отчетливого операционального представительства в интервалах «здесь – теперь». Конечно, можно писать стихи, мелодии по конструктивным лекалам, образующим формальное единство благозвучных ритмических художественных последовательностей, – но как их (лекала) применять в созидательной проекции спонтанно возникающих возвышенных, требующих выхода душевных настроений?!

Законы творчества – законы симфонийного гармонизма; между тем, используя мысль Белого, – через какую ужасную пытку, как именно следует проходить, дабы претворять их опытно?!

(c) мистериального, эзотерического контакта с Абсолютным в сомнамбулическом трансе вследствие выхода в запытную реальность. Не тревожа тени Бёме, Сведенборга, Блаватской, Штайнера, сошлёмся на художественный эксперимент Цветаевой, в «Поэме Воздуха» предпринявшей попытку истолковать уход из мира (смерть) как переход в «запредельность», устремление к небу – как разминование с жизнью в качестве поруки восторжествования конципирующего духа.

Замена «полётов наяву» в сущем полётами в «вечном сне» к несущему – хитроумная затея, не проливающаяся, вопреки ожиданиям, никакого света на приобщение к внереальному через парадоксалистскую утрату реального.

Продумывание лучше – «провслушивание» нарративов «усоняющего» цветаевского текста, исключая шаткие основания метафорики, даёт некую связную реконструкцию заявляемых им (текстом) идей по акцентной цепочке «сон – слог – звук – воздух – полёт – смерть – просветление – исподволь (сквозь дичь и глушь чувственности) явленный Бог – мимолётный контакт с ним, причащающий абсолютно-смысленному».

Томление духа в полубессознательном модусе «сонное словообразотворчество» с многосложными обстановочными ремарками, звуковыми находками-доводами – окказионально; хроматизм – тяготение звукословесных рядов друг к другу и такое же их отталкивание, как таковое, – не является самодостаточным орудием ни бого-, ни человекоуразумения. Прибегая к слогу Горация, спросим: слова-звуки, а больше – что?

Слова, тем более полусонные, – *instrumentum mutum*, отступают ввиду волеорганизованного свободно-сознательного дела, упрочающего подлинные, а не ущербно-мнимые святыни. В просветлённые подвижнические моменты

призывной глубины; в любом случае – не в те досадные пассивно-безнадёжные упадочнические мгновения, когда

Шпиль роняет храм,
каким-то отчуждённым чужеродным способом нагоняя
...смысл собственный...

В утрате – смысл, но нет его после неё!

Представляемые (а – с) систематизации аутопоэзисного роста разума изнутри, вне которого познавательная способность аскетична – кондиционально худосочна, бедна, сколь интригующи, столь и неисчерпывающи, если не говорить сильнее.

Конfirmацию ищущего интеллекта осуществляет не обобщающая, не активизирующая, не усыпляющая сила, но сила неподражательной продуктивной расширяющей синтетики, не имеющая гештальтного уточнения. Инноватика креативной когнитивной комбинаторики управляется правилами пластичной самосборки, зиждущейся на

- магии метафоры (тропа);
- образом «предательстве» вещей;
- грёзово-людической подкладке материально неподкреплённых «безопорных» порождающих процедур;
- самоактуализации автоматичных преобразований (отображений, морфизмов).

Экзотическая драпировка подобного более чем нестандартного барельефа обеспечивается

- гносеологически: модельно-аналоговым имитационным экспериментированием;
- онтологически: варьированием природы выделенного мира (W_0) субстантивными ресурсами возможных миров (W);
- психологически: полнотой самореализации, переименовая Бергсона, – творческим порывом не путающегося в сетях Арлекина.

Три в одном, – закрепляя диспозицию дополненного, ино-мирного пребывания, – эвристически расширяют сектор изыскательского обзора, поисково питают транзиты с реалистической на неореалистическую (исходно – в конъюнктурном «малом» времени, как правило, расцениваемую в качестве «псевдо»реалистической) точку зрения.

Примерами подобных необычных – «из ряда вон» (чуть ли, как говорил Августин, не договоров – соглашений с демонами) транзитов избилуют

- художественный опыт: произведения Гофмана, Уэллса, Азимова, Э. Форстера и др.;
- философский опыт: сочинения Платона, Бэкона, Мора, Кампанеллы, Шуберта, Сен-Симона и др.;
- социально-политический опыт: апология – технология фаланстеров (Фурье), коммун (Толстой, Добролюбов), ауравилей и т. д.;
- научный опыт: общая теория относительности (ОТО), теория спиновых стекол (новая термодинамика) и др.

В творческом процессе, порождающем нечто, – дающем начало «нео» – необузданно-необыкновенному, где по Кирсанову:

Вдруг –
кончается будничность!

Начинается будущность

...

... новая область

... открывшейся жизни самой...

хороши средства *tradita innovare, innovata tradere*. От перемещения из «царства яви» в «царство сна» – использованные Достоевским, Толстым, Короленко и др. конструктивные приёмы освоения действительности грёзовыми образами, до противохода: перемещения из «царства сна» в «царство яви» – использованные Жуковским не менее конструктивные приёмы освоения грёзовыми образами (вихревая картина мира Декарта) действительности – научная аэродинамика, воплотившая мечту «воздушного полёта» переводом сказки о «ковре-самолёте» в быль авиации.

«Устремлённость – ущемлённость», – капитальная диатетическая развилка, обследование ветвей которой позволяет обретать правильный тон собственной концептуальной и экзистенциальной роли, обусловливаемой открытым движением

– к мировым смыслам;

– друг другу.

Нельзя состоять «из правды» – должно быть тяготение к «одержимому»; одновременно же, как замечал Эфрос, нельзя жизнь тратить на раскрашивание пустых упаковок.

Такая – рассчитанная на вибрирующую совесть – самоедская диффузия.

Список литературы

1. Антология французского сюрреализма. М.: ГИТИС, 1994. 390 с.
2. Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. 336 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 521 с.
4. Белый А. Глоссолалия. Поэма о звуке. Томск: Водолей, 1994. 95 с.
5. Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Пг.; М.; Берлин, 1922. 526 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 451 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 7 т. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7.
8. Гончаров И.А. Обыкновенная история. М.: Художественная литература, 1983. 319 с.
9. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1.
10. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: «Coda», 1996. 474 с.
11. Замятин Е. Я боюсь: литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. 341 с.
12. Иванов В. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 427 с.
13. Ильин В.В. История и философия науки: учебник / изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 335 с.
14. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
15. Ильин В.В. Теория познания. Гносеология: учебник. М.: Проспект, 2018. 494 с.
16. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa miracula*: тотальный мировейник. М.: Проспект, 2020. 157 с.

17. Ильин В.В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. 203 с.
18. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
19. Ильин В.В. Философия истории. М.: Издательство Московского университета, 2003. 380 с.
20. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие / 2-е изд. М.: Книжный дом Университет, 2008. 231 с.
21. Марина Цветаева об искусстве. М.: Искусство, 1991. 478 с.
22. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
23. Blum H. The Anxiety of Influence. N.Y., 1973.
24. Bohm D. Science as Perception – Communication // The Structure of Scientific Theories. Urbana, 1974.
25. Carnap R. Der logische Aufbau der Welt. B., 1928.
26. Reich Ch. The greening of America. N.Y., 1970.
27. Roszak Th. The making of counter-culture: Reflections on the technocratic Society and its useful opposition. N.Y., 1969.

About the nature of creativity

**V.V. Ilyin, O.P. Sapegina, T.V. Shafigullina, T.E. Chernysheva,
Ya.V. Yalovenko**

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University), Moscow

The traditional interpretation of the creative process combines epistemologically vague cognitions of «insight», «intuition», etc. As a positive contrast to the «worn-out» views, a model of productive expanding syntheses (PRS) is being developed that activate the mechanism of assimilation, virtualization, mental experimentation, and with it automorphic heuristic transformative reactions that allow people to extract products of living thought «from concepts» in a human way.

Keywords: *creativity, imagination, symbolic morphism, canonical imitation transformations.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

САПЕГИНА Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: sapegina1@mail.ru

ШАФИГУЛЛИНА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: shafigullina.tv@bmstu.ru

ЧЕРНЫШЕВА Татьяна Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных наук, ФГАОУ ВО «Московский

государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: chernysheva@bmstu.ru

ЯЛОВЕНКО Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: yana2307@rambler.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

SAPEGINA Olga Petrovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: sapegina1@mail.ru

SHAFIGULLINA Tatyana Vladimirovna – PhD (Historical Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: shafigullina.tv@bmstu.ru

CHERNYSHEVA Tatyana Evgenyevna – PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: chernysheva@bmstu.ru

YALOVENKO Yana Viktorovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: yana2307@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.10.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2025.